

ЧАСТЬ V. ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

§ 228. Графика и орфография — это два раздела науки о письме.

Письменная форма существования языка вторична по отношению к его устной форме. Письмо возникло значительно позже, когда потребности общения людей с помощью языка усложнились и приобрели новые масштабы. Письмо возникло как отражение устной речи и менялось в связи с развитием речи. Однако само назначение письма, призванного обслуживать не только нужды «современников», но и передачу информации от поколения к поколению, обусловило его стабильность; поэтому в ходе истории изменения, которые происходят в звучащей речи, свойственно опережать развитие письма.

Изменения в звуковом строе происходят непрерывно; со временем результаты их накапливаются, и когда разрыв со средствами отображения речи на письме достигает некоторой «критической величины», то возникает проблема реформирования средств письма, с тем чтобы вновь приблизить их к звучанию.

Но реформа письменности всегда болезненно воспринимается людьми и вызывает сопротивление большей части общества, тем более, что по мере развития цивилизации и культуры письменная форма существования языка приобретает все большее значение, а следовательно, и важнее становится единообразие и стабильность средств письма. Система письма неизбежно консервативна, но и отрыв письменности от звучания крайне нежелателен: он затрудняет обучение письму и пользование им. Таким образом, несмотря на тесную связь этих двух форм реализации языка, они существуют в какой-то мере автономно. Письмо должно следовать за изменениями в звуковом строе языка, но оно не может изменяться так же непрерывно и постепенно; изменения письма (графики и орфографии) обычно осуществляются в виде «скачков», более или менее значительных, разделенных, как правило, большими промежутками времени.

§ 229. Другая сторона вопроса о соотношении письменной и устной речи — может ли письменность влиять на звучание? Естественно, что такой вопрос (допускающий возможность положительного ответа) может возникнуть только тогда, когда письменная форма общения начинает доминировать над устной и люди начинают не столько «слышать», сколько «видеть» язык. Об этом писал И. А. Бодуэн де Куртенэ: «Благодаря своему более позднему возникновению и большим усилиям при их усвоении, эти последние, графически-оптические, представления ложатся у людей грамотных, точно верхний слой, на представления произносительно-слуховые и заслоняют их собою»²⁵⁷. Та же мысль у Ф. де Сос-

²⁵⁷ Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение [1917] // Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963.

сюра: «Язык и письмо суть две различные системы знаков; единственный смысл второй из них — служить изображению первой; предметом лингвистики является не слово звучащее и слово графическое в их совокупности, а исключительно звучащее слово. Но графическое слово столь тесно переплетается со словом звучащим, чьим изображением оно является, что оно в конце концов присваивает себе главенствующую роль; в результате изображению звучащего знака приписывается столько же или даже больше значения, нежели самому этому знаку. Это все равно, как если бы утверждали, что для ознакомления с человеком полезнее увидеть его фотографию, нежели его лицо».²⁵⁸ И далее: «У языка есть устойчивая традиция, независимая от письма и в неменьшей мере устойчивая; не видеть это мешает престиж письменной формы... Чем же объясняется такой престиж письма?»

1. Прежде всего, графический образ слов поражает нас как нечто более прочное и неизменное, более пригодное, нежели звук, для обеспечения единства языка во времени. Пусть эта связь поверхностна и создает в действительности мнимое единство, но все же ее гораздо легче схватить, чем естественную связь, единственно истинную — связь звуковую.

2. У большинства людей зрительные впечатления яснее и длительнее слуховых, чем и объясняется оказываемое им предпочтение. Графический образ в конце концов заслоняет звуковой.

3. Литературный язык еще более усиливает незаслуженное значение письма. Он имеет словари и грамматики; по книге и через книгу обучаются в школе, литературный язык выступает как некоторая кодифицированная система, а соответствующий кодекс представляет собою письменный свод правил, подчиненный строгому узусу: орфографии. Все это придает письму первостепенную значимость. В конце концов начинают забывать, что говорить научаются раньше, чем писать, и естественное соотношение оказывается перевернутым.

4. Наконец, когда налицо расхождение между языком и орфографией, противоречие между ними едва ли может быть разрешено кем-либо, кроме лингвиста; но, поскольку лингвисты не пользуются никаким влиянием в этих делах, почти неизбежно торжествует письменная форма, потому что основываться на ней легче; тем самым, письмо присваивает себе первостепенную роль, на которую не имеет права».²⁵⁹

§ 230. Хотя графика и орфография теснейшим образом связаны, между ними имеется и существенная разница.

Графическая и орфографическая правильность написания слова не во всем совпадают: так, например, написание *сухой* — единственное правильное и графически, и орфографически; *дом* и *дома* (им. падеж мн. числа) также правильны и графически, и орфографически; но с позиций графики столь же правильным было бы и написание *дама*, поскольку *о* и *а* в безударном положении читаются одинаково. Однако второе написание запрещено правилами орфографии. Из восьми одинаково читаемых (и следовательно, графически правильных) написаний *подкоп*, *падкоп*, *поткоп*, *паткоп*, *подкоб*, *падкоб*, *поткоб*, *паткоб* графическая правильность совпадает с орфографической только в одном написании — *подкоп*.

²⁵⁸ Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 62.

²⁵⁹ Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 63, 64.

Имеются также случаи (значительно более редкие) написаний орфографически правильных, но нарушающих правила графики: например, с точки зрения графики неправильно написание морфемы *-ого*, где буква *г* должна читаться как [в] — такого значения в русском алфавите буква *г* не имеет.

Таким образом, орфография ограничивает возможности графики, узаконивая лишь один из вариантов написания; обычно — из числа тех, которые разрешены правилами графики.

Это принципиальное различие между графикой и орфографией И. А. Бодуэн де Куртенэ определял следующим образом: «В письменности отражается не только объективная фонетика, но тоже объективная морфология и объективная семасиология языка. Вообще же рассмотрение отношений между русским письмом и русским языком распадается на следующие части:

1. Русский алфавит или русская азбука, т. е. описание и всесторонняя характеристика писанно-зрительного материала, связанного потенциально с элементами произносительно-слуховыми, но еще без определенных частных ассоциаций. Говоря популярно, в этой части рассматриваются вопросы, с помощью каких графических средств обозначаются «звуки» русского языка и их сочетания.

2. Русская графика. Связь писанно-зрительных элементов с элементами только произносительно-слуховыми, в отвлечении от ассоциаций с представлениями морфологическими и семасиологическими.

3. Русская орфография или правописание в тесном смысле этого слова. Связь писанно-зрительных представлений не только с представлениями произносительно-слуховыми, но тоже и с представлениями морфологическими и семасиологическими²⁶⁰.

ГРАФИКА

Основные положения теории графики

§ 231. Графика — это раздел науки о письме, который определяет:

- инвентарь графических средств языка (алфавитных и неалфавитных знаков);
- систему соответствия между графическим средством (обозначающим) и единицей звучания (обозначаемым: звуком или фонемой).

Единицу графики называют **графемой** (термин И. А. Бодуэна де Куртенэ²⁶¹). Графема часто совпадает с тем, что принято называть буквой; однако, например, строчное и прописное начертание, которое считается одной буквой и дается как один алфавитный знак (*а* и *А*, *б* и *Б*), следует рассматривать как разные графемы, поскольку существуют определенные правила употребления строчных и про-

²⁶⁰ Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку // Избранные работы по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2. С. 221.

²⁶¹ Там же. С. 209.

писных букв, и нарушение этих правил считается ошибкой. Следовательно, с точки зрения орфографии эти буквы не равнозначны и не взаимозаменяемы.

В состав графических средств языка входят не только буквы, образующие состав основных графем, но и диакритические знаки и знаки препинания, которые называют вспомогательными графемами.

Разные графемы, которые передают одно и то же звучание, называют омофоничными. Например, строчное и прописное начертания буквы — одного алфавитного знака — рассматриваются как омофоничные графемы.

Графические системы некоторых языков содержат значительное количество омофоничных графем: так, например, польский звук [h] ([ж]) передается сочетанием букв *rz* (*rzadko*) и буквой с диакритикой *ż* (*żaden*); французский [o:] передается буквой *o*, сочетаниями *au* и *eau* (*mot, faute, peau*).

В теории графики существует понятие **аллографа**. Аллографами называют различные начертания одной и той же буквы, не регламентируемые орфографией и следовательно, взаимозаменяемые в любых случаях: например, «т» и «т», «д» и «д», «а» и «а» в разных шрифтах и в индивидуальных разновидностях почерка. Омофоничные графемы не могут считаться аллографами, поскольку употребление той или иной графемы в написании конкретного слова закреплено правилами орфографии и мена их недопустима.

Графические единицы бывают простыми (монографы) и сложными (диграфы, состоящие из двух букв, триграфы, состоящие из трех букв, или полиграфы, состоящие из четырех букв; например, англ. *ough* — *daughter*). Сложные графические единицы называются **графемными комплексами**.

Графемный комплекс как единица графической системы языка отличается от последовательности букв или графем: под графемным комплексом понимают такое сочетание графем, чтение которого не выводится из базисного правила чтения его компонентов²⁶². Так, чтение немецкого триграфа *sch* как [ль] — это не последовательное прочтение букв *s*, *c*, *h* так, как они читаются в словах *sagen*, *Carte*, *Halb*, а некая условность, которую надо знать, чтобы правильно прочитать, например, слово *Schule*; поэтому графема (или графемный комплекс) *sch* является самостоятельной единицей графической системы немецкого языка.

Графемные комплексы не включаются в состав алфавита, который состоит из букв, но обычно приводятся в словарях в разделе «Правила чтения» либо передаются в транскрипции отдельных слов.

Одна и та же последовательность букв в одном и том же языке может быть и графемным комплексом, и последовательностью графем: так,

²⁶² Зализняк А. А. О понятии графемы // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 148.

например, в польском слове *rzecz rz* — графемный комплекс, читающийся как [h̥] ([ж]), а в слове *marznąć* — последовательность графем, поскольку каждая буква читается в соответствии со своим основным (базисным) значением: *r* — как в слове *raz*, *z* — как в слове *zamek*.

Но и диграф, используемый для обозначения одного звука, не всегда может считаться графемным комплексом: так, в русской графике одним из способов обозначения мягкости согласных являются двухбуквенные написания типа *бь*, *вь*, *ть* и т. п.; однако они не считаются графемными комплексами, поскольку к ним неприменимо положение о невыводимости значения целого из значения его компонентов: *ь* не имеет собственного звукового значения, он только сигнализирует о некотором качестве согласного, обозначенного предшествующей буквой.

В русской графике употребляют два надстрочных знака, которые называют иногда диакритическими: «две точки» над *e* (*ě*) и «кратка» над *i* (*ǐ*); однако эти знаки не отвечают понятию диакритики, поскольку они употребляются только с этими буквами (каждый — с одной) в отличие, например, от обозначения умлаутных звуков *д*, *ц*, *ь* в немецком. Буквы *ě* и *ǐ* — это не сочетание основных графем с вспомогательными, а единые графемы; при этом *ǐ* всегда включается в состав алфавита, а *ě* не всегда, потому что употребление этой буквы не считается обязательным.

Понятию диакритики в русской графике более всего соответствует буква *ь* в функции знака мягкости любого парного по твердости / мягкости согласного на конце слова или перед твердым согласным — это редкий вид «внутристрочной» диакритики.

Диакритические знаки значительно шире применяются в транскрипции; например, для обозначения ударения (´), долготы (:), мягкости (˘) и т. п.

Количество букв в составе алфавита и количество графем в языке обычно расходятся, и иногда весьма существенно. Так, в английском алфавите всего 26 букв, но 170 графем (считая отдельными графемами строчные и прописные буквы): 52 монографа и 118 графемных комплексов. Учитывая, что в английском языке насчитывается около 40 фонем, его графическую систему никак нельзя признать рациональной.

Идеальным устройством графики могло бы считаться точное соответствие количества графем количеству фонем в языке, но такие случаи практически не засвидетельствованы, и рациональным устройством можно считать ситуацию, когда расхождение между тем и другим несущественно. При этом количество графем может быть и больше, и меньше количества фонем.

Как определяется значение букв (графем, графемных комплексов)?

Большинству букв русского алфавита может соответствовать более, чем один звукотип (не говоря о множестве конкретных звуков): так, буква *о* может читаться не только как [o] (*дом*), но и как [a] (*домб*) и как [ɤ] (*домовой*); буква *е* — не только как [e] (*лес*), но и как [o] (*нес*), [и] (*несу*),

[ь] (*вынеси*); буква *с* — не только как [с], но и как [с'] (*сила*), [з] (*сдал*), [з'] (*сделать*), [ш] (*сшить*), [ж] (*сжать*), [ш'] (*счищать*) и т. д.

Следует ли включать все эти звукотипы в перечень значений букв *о*, *е*, *с*? Сознавая нерациональность такого решения, А. Н. Гвоздев (которого поддержал Л. Р. Зиндер) предложил различать основное и второстепенное значение буквы: основное — то, которое она имеет, обозначая фонему в сильной позиции, второстепенные — все остальные²⁶³.

А. А. Зализняк сформулировал другой способ описания значения графемы, который представляется еще более рациональным: «Если различное чтение некоторой графической единицы в разных положениях... фактически обусловлено синхронными фонетическими закономерностями языка, базисное правило чтения не должно отражать такого варьирования. Например, для русского *ж* в базисное правило всегда включается только чтение [ж] (а не [ж] и [ш]). Иначе говоря, базисные правила чтения не дублируют той информации, которая относится к сфере фонетической автоматике».²⁶⁴

Графическая система русского языка

§ 232. Графическая система русского языка устроена весьма рационально: 39 (по Р. И. Аванесову) фонемам соответствуют 33 буквы. К этому можно добавить еще 3 графемных комплекса *жж*, *зж*, *жд*, которые обслуживают фонему <ж'> в таких словах, как *вожжи*, *езжу*, *дожди* (в старшей орфоэпической норме). При отсутствии этой фонемы в младшей орфоэпической норме эти графические комплексы становятся простыми последовательностями букв, поскольку отпадает условность чтения их как мягких согласных.

Таким образом, количество букв в современном русском алфавите незначительно меньше количества фонем в языке.

Если исходить из того, что в современном русском языке уже отсутствует фонема <ж'> и признаны существующими фонемы <к'>, <г'>, <х'>, то разрыв между количеством фонем и графем увеличится в пользу фонем: 41 фонема — 33 буквы, которые имеют следующие звуковые значения:

- 1) парные по твердости / мягкости согласные: *б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х*;
- 2) непарные по твердости / мягкости согласные: *ж, ш, ц, ч, щ*.
- 3) буква *й*, обозначающая согласную фонему <й> в некоторых ее позициях;
- 4) буквы, обозначающие гласные:
«несмягчающие» — *а, о, у, э, ы*,
«смягчающие» — *я, ю, е, ё, и*;
- 5) *ь* — знак мягкости предшествующего согласного;
- 6) *ъ* — буква без определенной алфавитной функции.

²⁶³ Гвоздев А. Н. Основы русской орфографии. М., 1951.

²⁶⁴ Зализняк А. А. Указ. соч. С. 150.

СЛОГОВОЙ ПРИНЦИП ГРАФИКИ

§ 233. Особенность русского алфавита состоит в том, что в нем отсутствуют специальные буквенные знаки для мягких парных согласных, и с этим связано существенно меньшее по сравнению с числом фонем количество букв для согласных и удвоенное количество букв для гласных. «Смягчающие» буквы, дублирующие основное звуковое значение «несмягчающих» букв, следуя за согласным, сигнализируют о его мягкости: *мал* — *мял*, *лук* — *люк*, *пыл* — *пил*, *сэр* — *сер*, *нос* — *нёс*.

Вследствие этого единицей русского письма (и чтения) оказывается не буква, а **графический слог** — буквосочетание, обе части которого пишутся и читаются с учетом соседних букв. Такое устройство графики называется **слоговым принципом**.

Используемый для обозначения мягкости согласных, слоговой принцип создает существенную экономию алфавитных знаков: пять «смягчающих» букв гласных (плюс буква *ь*) замещают 15 букв, которые понадобились бы для обозначения мягких согласных.

Действие слогового принципа графики можно усмотреть и в том, что, следуя за «разделительными знаками» (буквами *ь* и *ъ*), буквы *я*, *ю*, *е*, *ё*, *и* читаются как слог структуры «[j] + гласный»: *чья*, *чью*, *лье*, *чьё*, *чи*, *подъезд*, *отъявленный*, *объём*. Так же читаются эти буквы (кроме *и*) в начале слова: *яма*, *юг*, *ель*, *ёж*; в связи с чем эту графическую позицию называют иногда «буквой пробела». Таким образом, слоговой принцип — это позиционный принцип письма.

Слоговой принцип можно видеть и в другом способе обозначения мягкости согласных — написании *ь* после буквы согласного; хотя здесь речь не идет о слоге, даже условном, но единицей чтения и письма, как и в предыдущих случаях, является не одна буква, а буквосочетание.

ОБОЗНАЧЕНИЕ МЯГКОСТИ СОГЛАСНЫХ

§ 234. Как уже говорилось, существуют два способа обозначения для парных по этому признаку согласных:

- употребление буквы *ь* после буквы согласного. Этот способ применяется в двух позициях: на конце слова (перед пробелом — *конь*, *ось*) и перед твердым согласным (*банька*, *возьму*);
- написание последующих букв *я*, *ю*, *е*, *ё*, *и* (*ряд*, *люк*, *лес*, *нёс*, *пик*). Однако функция буквы *е* в этом качестве не безусловна: в заимствованных словах она может не обозначать мягкости предшествующего согласного: ср. *дельта*, *сарделька*, *регби*, *секс*, *отель*, *бретелька*, *темп*, *теннис*, *тест* и т. п. Высказывались предложения о замене ее в подобных случаях парной ей «несмягчающей» буквой *э*; однако этому препятствует допускаемая орфоэпической нормой вариативность произношения одних и тех же слов и морфем: [се]кс, но [с'ь]ксуальный, [де]кор, но [д'ь]коративный, [сэ]ссия и [с'й]ссия и т. д.

Время от времени высказываются предложения об унификации способа обозначения мягкости — например, путем употребления во всех

случаях буквы ь (писать *взять, тьотья*) — однако удлинение слова (строки, текста) отнюдь не улучшило бы русского письма ни с какой практической точки зрения.

Мягкость согласных не всегда обозначается графически: в положении перед мягкими согласными обозначение мягкости регламентируется правилами орфографии, которая, руководствуясь своими собственными принципами, обязывает писать *винтик* ([в'йн'т'ѣк], но *встаньте* ([фстбн'т'ѣ]); *вести* ([в'йс'т'и]), но *влезьте* ([вл'йс'т'ѣ]) и т. п.

Согласные непарные по твердости / мягкости не нуждаются в специальном обозначении этого их качества. Неависимо от присущей им твердости (*ш, ж, ц*) или мягкости (*ч, щ*) после них употребляются буквы *а, у, и, е, ё, о* и не употребляются, как правило, буквы *я, ю, ы, э*.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ФОНЕМЫ <j>

§ 235. Фонема <j> имеет два способа обозначения:

- специальная буква *й*, употребляемая только в некоторых позициях: перед согласными (*майка*) и на конце слова (*дай*),
- буквы *я, ю, е, ё* употребляемые после пробела, ь / ъ или гласного, и буква *и* после ь (*воробьи*).

ЗВУКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ БУКВ

§ 236. Буквы *я, ю, и* двузначны:

- наряду с собственным звуковым значением они служат показателем мягкости предшествующего согласного;
- после пробела, букв ь или ъ, либо буквы гласного, буквы *я, ю* обозначают «[j] + гласный»; *и* может иметь такое значение только после ь: *чы, воробьи, но ъгры, мои*.

Буква *е* имеет по крайней мере 3 разных значения:

- [e] — *модель*,
- [ʲe] — *мел*,
- [je] — *ель*.

Буква *ё* также может иметь 3 значения:

- [o] — *шёлк*,
- [ʲo] — *пёс*,
- [jo] — *ёж*.

Эта буква, включенная в состав алфавита, не считается, тем не менее, обязательной; вместо нее может использоваться *е*, которая в этом случае удваивает количество своих значений. Употреблять *ё* рекомендуется в следующих случаях: 1) для предупреждения неверного чтения, 2) указания произношения малоизвестных слов, 3) в специальных текстах и словарях.

Буква *э* ограничена в употреблении и не всегда замещает *е* в качестве показателя твердости предшествующего согласного; она пишется в следующих случаях:

- в исконно русской лексике — только в начале некоторых слов: указательных местоимений и междометий (*этот, эх*);
- в аббревиатурах (*ВТЭК, ТЭЦ, ЕЭС*);
- в некоторых иноязычных словах: *пэр, мэр, сэр, эра, поэт*.

Буква *ь* двузначна:

- в позиции конца слова и перед твердым согласным она обозначает мягкость предшествующего согласного;
- в позиции после согласного перед гласным она выполняет функцию пробела: это значит, что последующий гласный читается так, как если бы он писался в начале слова (например, *вьюга* — *юга*), кроме *и*, который после *ь* читается как [ji], а в начале слова — как [и] (*воробы* — *игры*). Чтобы избежать исключений, можно сформулировать это правило иначе: в позиции после согласного перед гласным буква *ь* сигнализирует о том, что перед этим гласным произносится [j]: *вороб[’j’и]*, *бул[’j’ун]*.

Написание *ь* перед мягкими согласными диктуется правилами орфографии, согласно которым требуется писать *вместе* (*вме[с’т’е]*), но *повесьте* (*пове[с’т’е]*).

Буква *ь* также выполняет функцию пробела, и разграничение ее в этой функции с *ь* диктуется правилами орфографии.

НАПИСАНИЯ, НАРУШАЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ГРАФИКИ

§ 237. В системе русского письма существует некоторое (очень небольшое) количество написаний, графически неправильных, но узаконенных орфографией:

- написание *г* вместо *в* в сочетании *ого* в окончаниях прилагательных и местоимений и в корневой морфеме слова *сегодня*;
- написание *й* перед гласным в некоторых иноязычных словах в начале слова и после гласного: *майор*, *район*, *йод*, *фойе* и др. В этом случае не нарушаются правила чтения, но нарушаются принятые для русских слов правила обозначения, согласно которым следовало бы писать *маёр*, *раён*, *ёд*, *фое*.
- написание *о* после *ь* в некоторых словах: *почтальон*, *медальон*, *бульон*, *павильон*; здесь также по правилам русской графики следовало бы писать *бульён*, *медальён*, *павильён*, *почтальён*.
- написание *чн* в соответствии с произношением [шн] в некоторых словах (*скучно*, *конечно*) и *чт* в соответствии с устойчивым произношением [шт] в словах *что*, *чтобы*;
- написание *цн* в слове *помощник* вопреки существующему произношению [шн];
- написание *ы* после *ц* в корневых морфемах *цыган*, *цыпленок*, *цыц* (и производных) и на стыке морфем (*огурцы*, *куцый*, *лисицын*), нарушающее правила употребления буквы *и* после непарных твердых согласных;
- написание *ь* после непарных по твердости / мягкости согласных (*ш*, *ж*, *ч*) на конце слова (*тушь*, *рожь*, *ночь*, *знаешь*, *режь*, *настежь*); это — самое «массовое» нарушение принципов графики, узаконенное орфографией и отражающее то историческое состояние русского языка, когда все шипящие были мягкими;
- написание *ю* после *ш*, *ж* в словах *брошюра*, *парашют*, *пиют*, *жюри* и практически любые сочетания *ш*, *ж*, *ц* со «смягчающими»

гласными в иностранных именах собственных типа *Шяуляй, Цюрих, Цявловский, Жюрайтис* и т. п.

Из истории русской графики

§ 238. Графическая система русского языка сформировалась на базе старославянского кириллического письма, созданного в конце IX века. Кириллический алфавит содержал 43 буквы; но разница между славянским кириллическим алфавитом и современным русским составляет не 10, а 14 букв, поскольку в ходе истории приспособление этой системы письма к звуковым особенностям русского языка состояло не только в упразднении лишних букв, но и в создании некоторых новых. Главная тенденция, однако, очевидна: историю русской графики называют историей борьбы против лишних букв.

Утраченные к настоящему времени буквы славянского алфавита — **ѡ, Ѣ, Ѥ, Ѭ, Ѯ, Ѱ, ѱ, Ѳ, ѳ, Ѵ, ѵ**;

Буквы, созданные специально для русской письменности — *э, й, ё, я*.

Существенные и целенаправленные преобразования русского письма связаны с эпохой Петра I, хотя еще до этого были фактически упразднены буквы, полностью утратившие в русском языке свои звуковые соответствия — так называемые «юсы»: **Ѧ, ѧ, Ѩ, ѩ**.

Петр I начиная с 1699 года занимался проблемами письма с целью приблизить его к европейским стандартам. Кроме устранения букв, дублирующих одни и те же звукотипы, необходимо было упростить начертания буквенных знаков; громоздким и неудобным (и отличающимся от европейской традиции) было использование букв в обозначении чисел.

Алфавит, созданный при непосредственном участии Петра I, получил название гражданской печати или гражданницы.

Решением Петра I алфавит был уменьшен на 3 буквы: **Ѳ** («пси»), **ѱ** («омега») и лигатуру **Ѱ** («от»). Были введены буквы *э, я, у* (вместо диграфа **ѳѳ**). Были также отменены «титла» (надстрочные знаки, указывающие на сокращенное написание слов) и «силы» — знаки ударения, ранее обязательно ставившиеся над каждым словом. Буквенные обозначения чисел были заменены арабскими цифрами.

Но осталось еще значительное количество букв, дублирующих одно и то же звуковое значение: **Ѥ** («земля») и **ѥ** («зело»), **Ѧ** («фита») и **ѧ** («ферт»), **Ѩ** («кси»), которое, как и **Ѳ** («пси»), легко могло передаваться сочетанием двух букв *кс*.

Реформы Петра I как бы открыли саму возможность изменения и совершенствования письма, и после него дело упрощения алфавита было продолжено. Распоряжением Академии Наук из алфавита были исключены буквы **Ѩ** и **ѥ** и узаконена буква *й*.

К оставшимся 35 буквам в конце XVIII века прибавилась буква *ё*, предложенная Н. М. Карамзиным взамен практиковавшегося двухбуквенного обозначения *іо*, а в конце XIX века, в эпоху орфографической

деятельности Я. К. Грота, была упразднена ижица (ѵ). Следующий, и наиболее решительный, этап «борьбы против лишних букв» имел место в 1917 г., хотя возможности дальнейшего сокращения алфавита стали обсуждаться сразу же после узаконения преобразований Петра I. Речь шла в первую очередь о двойном изображении звука [и] (и «восьмеричное», і «десятеричное») и [ф] (ѣ «ферт», ѣ «фита»).

Предметом дискуссии скоро стала также и буква ѣ («ять»): М. В. Ломоносов считал, что обозначаемый ею звук отличается от того, который передает буква е, и потому нуждается в специальной букве; но уже его современник В. К. Тредьяковский не видел (или точнее, не слышал) разницы между ними и считал букву ѣ излишней.

Буква ѣ, которая давно уже утратила свое звуковое значение и, в отличие от буквы е, не приобрела другой функции в составе алфавита, но продолжала писаться в конце слов, оканчивающихся на твердый согласный, представлялась излишней уже предшественнику М. В. Ломоносова и В. К. Тредьяковского — В. Е. Адодурову, автору Грамматики 1740 года.

На протяжении всего XIX века шла острая полемика по поводу графики между сторонниками реформ и «традиционалистами». Наиболее решительными сторонниками реформ оказались учителя-практики, вынужденные требовать от учащихся механического запоминания списков из более 150 слов, пишущихся с ѣ, и более 60 — с ѣ.

Сторонниками (и идеологами) дальнейшего сокращения алфавита были и «академические» ученые-лингвисты Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. И. Соболевский, Л. В. Щерба и другие. В числе же «консерваторов» часто оказывались писатели (в том числе, Л. Н. Толстой, А. А. Блок, М. И. Цветаева²⁶⁵), для которых существенным оказался внешний вид напечатанного текста и которые усматривали в традиционном его изображении некую эстетическую функцию. Высказывались предложения продолжать переиздавать сочинения дореволюционных писателей по старой орфографии и графике независимо от предполагаемой реформы.

Следующий шаг на пути демократизации письма был осуществлен в 1917 году одним из первых декретов советской власти: этот декрет запрещал употребление букв ѣ, ѣ, і, а также написание ѣ на конце слова. Осуществлен он был со всей жесткостью, свойственной тому времени, о чем свидетельствует первый нарком просвещения нового правительства А. В. Луначарский; по его словам, Володарский, которому было поручено проведение декрета в жизнь, заявил: «Появление каких бы то ни было текстов по старой орфографии будет считаться уступкой контрреволюции, и отсюда будут делаться соответствующие выводы». Под его руководством революционные матросы попросту изымали из типографских касс упраздненные буквы, а иногда заодно и ѣ, хотя эта буква должна

²⁶⁵ Любопытное свидетельство этому — в письме дочери М. И. Цветаевой: «Мне теперь восемь. Я нигде не учусь, потому что везде без ѣ и чесотка» (*Ариадна Эфрон*. Марина Цветаева. 1999. С. 322).

была остаться в качестве разделительного знака после приставок. В таких случаях наборщики вынуждены были употреблять «апостроф» там, где ь имел значение разделительного знака. Таким образом, небольшая, в сущности, реформа письма приобрела политический оттенок и вызвала тем большее недовольство в определенных кругах общества.

В одном случае «жертвой» упрощения алфавита оказался смысл названия поэмы В. В. Маяковского, написанной в 1916 году и озаглавленной «Война и мир», что должно было означать «война и общество». После упразднения буквы *i* написание «Война и мир» стало интерпретироваться как «война и отсутствие войны». В рукописях романа Л. Н. Толстого встречается и *мир*, и *мир*, но в печати появилось «Война и мир». Таким образом, буква *i* выполняла в некоторых случаях функцию дифференцирования омонимов.

Работа над совершенствованием системы письма не ограничивалась рамками русского языка: в эпоху объединения множества народностей в составе Советского Союза решались чрезвычайно сложные задачи создания письменности для бесписьменных языков и перевода арабской и латинской систем письма на кириллическую. Огромное значение при этом имели фонологические идеи; в частности, работа Н. Ф. Яковлева «Математическая формула построения алфавита», которая была опубликована в 1928 г. в журнале «Культура и письменность Востока», стала классической не только для теории письма, но и в истории создания концепции Московской фонологической школы.

История русской графики как «история борьбы против лишних букв» на этом не закончилась. Под вопросом остается судьба буквы ь, которая, будучи «дублером» буквы ы в ее разделительном значении, многим представляется излишней. «Защитники» этой буквы ссылаются на тот факт, что в современном произношении имеется тенденция твердого произношения согласного (в особенности, [т] и [д]) перед ь, в связи с чем этой букве приписывается некое алфавитное значение. «Противники» не склонны связывать твердое произношение согласного в конце приставки с написанием там ь, поскольку в старом московском произношении все согласные смягчались перед [j] в любой графической позиции. Кроме того, стоит ли считать «орфоэпической катастрофой» возвращение к «ушаковской» норме мягкого произношения согласного перед <j> в любой графической позиции? Во всяком случае, в русском алфавите есть еще одна буква, о необходимости которой можно спорить.

ОРФОГРАФИЯ

Основные понятия теории орфографии.

Принципы орфографии

§ 239. Второй раздел науки о письме — орфография — занимается, как писал И. А. Бодуэн де Куртенэ, связью «писанно-зрительных пред-

ставлений... с представлениями морфологическими и семасиологическими». Иначе говоря, предметом орфографии является написание конкретных слов и морфем. Цель орфографии состоит в установлении единообразного написания слов, которое объявляется правильным. Как правило, орфография выбирает его из числа правильных с точки зрения графики (см. приведенные выше графически возможные написания слова *подкол*); но в редких случаях орфографические правила узаконивают и написания, противоречащие графической системе, либо сохраняя историческую традицию (как написание окончания *-ого*), либо транслитерируя иноязычные написания (как *майор*, *павильон*).

По тому, какие отношения устанавливаются в процессе развития языка между его орфографической и фонетической системами (которую, в конечном счете, и призвана обслуживать орфография), можно говорить о нескольких разных принципах устройства орфографии.

Естественно думать, что при своем возникновении орфография максимально близка к звуковому строю обслуживаемого ею языка; но в результате фонетических изменений в языке отношения между звучанием и написанием становятся более сложными.

Поскольку фонологическая система более устойчива, чем произношение, то орфография, перестав быть фонетической, может остаться фонематической; то есть, игнорируя некоторые изменения в звуковой реализации фонем, она может достаточно адекватно отражать фонологическую систему языка.

Дальнейшие изменения в языке способны привести к разрыву орфографии также и с фонологической системой; тогда написания оказываются чисто традиционными, не отражающими не только звуковой, но и фонемный состав слов.

Таким образом, возникают три возможности отношения орфографии к живому языку и, соответственно, **три принципа орфографии:**

- фонетический,
- фонематический,
- традиционный.

В мире не существует ни одного конкретного языка, орфографическая система которого строилась бы целиком на одном принципе, хотя возможно, что так бывало в момент создания орфографического кода для какого-либо младописьменного языка. В настоящее же время в орфографических системах разных языков сосуществуют разные принципы, но один из них как правило бывает доминирующим, таким, который отражается в большинстве орфографических правил и которым объясняется большинство написаний.

Орфография любого языка должна оцениваться прежде всего по двум параметрам: во-первых, с точки зрения близости написанного текста к его звучанию, и во-вторых, с точки зрения единообразия представления одной и той же морфемы. Можно сказать, что первое

в особенности важно для пишущего, а второе — для читающего, поскольку процесс чтения в значительной мере состоит в «узнавании» слов и морфем.

§ 240. Фонетический принцип орфографии состоит в том, что написание слова максимально близко к звуковому составу любой его формы. Однако написание слова *двор*, адекватно отражающего его звучание ([двор]), недостаточно для того, чтобы видеть здесь действие именно фонетического принципа орфографии, поскольку по условиям графики русского языка такое написание является единственным возможным и оно полностью отражает его фонемный состав (<двор>). Но для формы им. падежа мн. числа [двары́] графика допускает выбор: *дворы* или *двары*. Орфография, которая руководствуется фонетическим принципом, выбирает второе.

Но при этом фонетический принцип орфографии отнюдь не равнозначен разрешению писать «как слышится»: это означало бы отсутствие всякой орфографии и подмену ее фонетической транскрипцией; правила же орфографии так или иначе непременно предписывают единообразие, отвергая диалектные и ситуативные (например, «эллиптированные» в процессе разговорной речи и коартикуляционные) разновидности звучания. Таким образом, фонетическая орфография ставит своей целью изображение звукотипов в соответствии с нормативным произношением.

Оценка рациональности орфографии, основанной на фонетическом принципе, зависит от особенностей прежде всего фонологической системы того или иного языка. Так, например, фонетическая по преимуществу орфография сербского языка считается одной из наиболее рациональных, и это обусловлено тем, что в сербском языке отсутствуют перекрещивающиеся чередования в системе вокализма (все гласные фонемы сохраняют противопоставленность в безударных слогах), и орфография частично отражает только чередования в системе консонантизма: звонких / глухих согласных (*србин* — *српски*, *сладак* — *сладки*, *врабец* — *врапца*, *безбедан* — *беспутан*, *избегнути* — *испасти*, *разбити* — *растрести*), чередования по месту образования (*лист* — *лишће*), чередование *л / о* (*посла* — *посао*), чередование согласных с «нулем» (*отац* — *оца*, *предак* — *преци*, *гост* — *гозба*).

Таким образом, в сербской орфографии наилучшим образом соблюдается близость написания к звучанию и лишь в сравнительно небольшом количестве случаев нарушается принцип единообразного написания морфем.

Иная ситуация в белорусском языке, где в основу орфографии также положен фонетический принцип. Фонологическая система белорусского языка характеризуется большим количеством перекрещивающихся чередований в системе как консонантизма, так и вокализма (совпадение гласных фонем в безударных слогах по системе аканья), отражение которых на письме приводит к двойственности написаний большинства и корневых, и аффиксальных морфем; например: *дом* —

дамы́, ног — нагб, цэп — цапб, лес — лясbí, зймлі́ — зямля́, нёс — няслб, зямлёй — вьшнйй, сталум — брбтам, сталуў — гэкаў, маладуе — дубрае, маладуга — дубрага, маладуму — дубраму, маладу́й — дубрай, мой — мая́ и т. п.

Мена звукотипов отражается и в консонантизме; например, чередования [л] / [ľ] и [в] / [v̞]: *вёў — вялб, даў — далб, карува — каруў*.

Большое количество двойственных написаний, выбор которых зависит от ударного или безударного положения морфемы, осложняет грамматические описания и создает большие неудобства для зрительного восприятия текста белорусского языка. Таким образом, тот принцип орфографии, который рационален для сербского языка, оказывается нерациональным для белорусского. Как писал немецкий лингвист Г. Пауль, «Орфографию каждого языка следует оценивать исходя только из его собственных закономерностей» (*Пауль Г. Принципы истории языка*. М., 1960. Гл. XXI «Язык и письмо». С. 458).

§ 241. Фонемный или фонематический принцип орфографии состоит в том, что мена звукотипов при перекрещивающихся чередованиях не фиксируется на письме; буквенный знак соответствует изображению фонемы в ее сильной позиции, а написание слова отражает фонемный состав входящих в него морфем (морфов). Поэтому из двух графически возможных написаний *дворы* и *двары* фонематический принцип орфографии выбирает первое в соответствии с фонемным составом этого слова в интерпретации МФШ: <дворі́>, заменяя «смягчающую» букву *и* на «несмягчающую» *ы*. Так же определяется и написание *подкоп* (<подкоп>) из восьми графически возможных.

Примером действия этого принципа может служить орфография русского языка, фонологическая система которого близка к белорусской, а орфографическая контрастна ей.

Главное достоинство применения этого принципа состоит в последовательно единообразном написании морфем.

§ 242. Традиционный принцип орфографии усматривается в тех случаях, когда написание не соответствует ни звуковому, ни фонемному составу современного слова, отражая его звучание (и фонемный состав) в прошлом. Преобладание такого принципа наблюдается, например, в английском языке, орфографическая система которого установилась в среднеанглийскую эпоху (XIII–XV вв.), не реформировалась с тех пор и не отразила поэтому существенных изменений в фонетическом строе языка, которые произошли в новоанглийский период XV–XVIII вв. Этому принципу подчинены написания исконно английских слов; но относительная доля таких написаний со временем уменьшается в связи с тем, что выходят из употребления слова, тесно связанные с культурой той эпохи, и приходит большое количество новых слов, написание которых отражает звучание и фонемный состав современного английского языка.

Традиционный принцип имеет место и в орфографии русского языка. Традиционные написания могут удерживаться в орфографии только в

силу присущей ей консервативности (как, например, написание *ь* в глагольных формах *режешь*, *плачешь*), но могут иметь и некоторые рациональные обоснования; например, как знак принадлежности к определенной грамматической категории или форме: *режь*, *плачь* — как *встань*, *сядь*; *рожь*, *ночь* — как *пыль*, *грязь* (в отличие от *нож*, *плач*); *ожог* (существительное) в отличие от *ожёг* (глагол). Такой вид традиционных написаний, который не имеет ни фонетических, ни фонологических обоснований, но считается целесообразным с точки зрения грамматики или лексики, называют **дифференцировочным** или дифференцирующим. Естественно, что дифференцировочный принцип не может быть доминирующим в орфографии какого-либо языка; он может касаться только некоторых частных случаев.

Дифференцирующими называют и различные написания одинаково звучащих слов (омофонов), которых особенно много в английском и французском языках, где орфография является по преимуществу традиционной; например, английские *die* «умирать» и *dye* «окрашивать» относительно звучания [dai]; французские *sang* «кровь», *sans* «без», *sent* «сто» относительно звучания [sg]. Наличие стольких разных написаний объясняется, естественно, разным происхождением этих слов, а сохранение их — традицией; но в современной французской (как и английской, и русской) орфографии разные написания связываются с необходимостью дифференцировать значения одинаково звучащих слов. Это не исключает, однако, существования в любом языке и «полных» омонимов — язык обладает многими средствами различения омонимов, поэтому о необходимости сохранения дифференцировочных написаний можно спорить.

§ 243. Два частных принципа, играющих существенную роль в практической орфографии, действуют при передаче иноязычных слов; главным образом, имен собственных. Л. Р. Зиндер называет их транскрипционным и транслитерационным²⁶⁶.

Транскрипционный способ состоит в максимально точной передаче звучания заимствуемого слова средствами графики принимающего языка; таковы, например, слова *футбол* (*football*), *Буданешт* (*Budapest*), *Шекспир* (*Shakespeare*), *Мэрайа* (*Maria*), *Руссел* (*Russel*).

Транслитерационный способ предполагает побуквенную передачу написания заимствуемого слова средствами графики принимающего языка; звучание его при этом может искажаться; например, *Гудзон* (*Hudson*), *Невтон* (*Newton*), *Валлис* (*Wales*); новая, транскрипционная передача этих имен — *Хадсон*, *Ньютон*, *Уэльс*.

Трудно сказать, какой из этих способов дает лучший результат; во многих случаях результат этот бывает далек от совершенства и не может быть улучшен: на его пути стоит непреодолимое препятствие — несовпадение звукового состава разных языков и своеобразие их графических систем. Так, например, в русском языке отсутствует адекват-

²⁶⁶ Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Л., 1987. С. 101.

ный способ передачи английского билабиального спиранта [w], поскольку такого звука нет в русском языке, и он передается «приблизительно», то как *в*, то как *у*, иногда в одном и том же названии: например, *Windsor* — *Виндзор* (в Великобритании) и *Uincor* (в Канаде). Латинская буква *h* соответствует разным звукам западноевропейских языков, а в французском вообще не имеет собственного звукового значения, поэтому в передаче фамилии *Hugo* как *Гюго* возникает лишний (первый) согласный, нужный лишь для того, чтобы более или менее правильно воспроизвести последующий гласный, который в русском языке может звучать только после мягкого согласного. Новые названия принято передавать иначе — например, название газеты *Humanity* — *Юманите*. Английское название города *Hull* транслитерируется как *Гулль* (в Великобритании) и транскрибируется как *Халл* (в Канаде). Заметим, что названия, давно пришедшие в русский язык, чаще передаются посредством транслитерации, а более поздние — путем транскрипции.

Орфографическая система русского языка

§ 244. Обратимся к детальному анализу орфографической системы русского языка. Рассмотрим следующий текст в его орфографической, фонетической и фонематической (с позиций МФШ) записи:

радушный хозяин салона обратил внимание своего гостя на расписную тарелку с цветами и пять новых ваз

[радэ́шнѝ хаз'бѝн салуна / абрат'ѝл вн'имбн'ѝѝ свѝву гус'т'а / нѝ рѝсп'иснѝѝ тар'ѝлку с цв'ѝтѝм'ѝ / и п'ѝт' нувѝх вѝс]

<радэ́шној хоз'бјин с'алуна аб'рат'ил в'н'ѝмбн'ѝѝ својову гу'с'т'а на розп'иснѝѝ тар'ѝлку с цв'ѝтѝм'ѝ и п'ат' нувѝх вѝз>

Письменная речь имеет двух «пользователей»: читающего и пишущего, и оценивать рациональность и удобство системы письма следует с этих двух позиций, поскольку интересы того и другого не всегда совпадают.

Для человека, который владеет орфоэпической нормой и знает правила чтения букв (графику), но незнаком с правилами орфографии, единственную трудность в данном тексте представляет слово *своего*, где фонема (и звукотип) <в> по орфографическому правилу передается буквой *г*.

Человек пишущий стоит перед проблемой выбора правильного написания в принципе столько раз, сколько имеется фонем в слабой позиции. В данном тексте их отмечено 29 плюс еще две «нулевые» реализации <ѝ> в словах *хозяин* и *своего*. Это составляет 35% от общего числа фонем в тексте (88). Но твердость *б* в слове *обратил* не может вызвать сомнений у пишущих, хотя это и слабая по твердости / мягкости позиция; из оставшихся 30 слабых позиций в 19 случаях (63%) эта задача решается путем применения общих правил русской орфографии, суть

которых заключается в том, что буквенное обозначение соответствует фонеме в сильной позиции — это и есть фонематический принцип орфографии.

В двух случаях (гласный и второй согласный в приставке *рас-*) применяется особое правило правописания некоторых приставок, формулировка которого соответствует фонетическому принципу: под ударением следует писать *о*, без ударения — *а*; перед глухими согласными — *с*, перед звонкими шумными — *з*.

Написание *з* в слове *своего*, не отражающее ни звукотипа, ни фонемы, традиционно.

И наконец, в тексте имеется 10 гиперфонем (32% от 31), которые при чтении не вызывают никаких трудностей, поскольку все фонемы, входящие в состав той или иной гиперфонемы, читались бы одинаково. Это дает основание видеть и здесь проявление фонематического принципа письма — но только с позиций читающего. Пишущий в этой ситуации выбирает правильное написание только на основе знания существующей (установленной орфографией) традиции написания именно данного слова или морфемы. Фонематический принцип для него не работает; для него такие написания традиционны.

Таким образом, орфографическая запись данного текста для читающего «фонемна» на 95%, для пишущего — только на 63%. Эти цифры не всегда совпадают с подсчетами, которые делали другие авторы, однако при любых подсчетах преобладание фонемного принципа несомненно.

Что касается близости орфографии к звучанию, то в данном тексте из 84 буквенных знаков (не считая *ь*, не имеющего собственного звукового значения) по крайней мере 67 (т. е. 80%) не противоречат звучанию. Из этого следует, что русская орфография, не будучи фонетической относительно выбора написания для фонем в слабой позиции, в большинстве случаев, тем не менее, адекватно отражает звуковой состав слов — и это безусловное ее достоинство.

Другое важнейшее достоинство русской орфографии, связанное с доминирующим в ней фонематическим принципом и являющееся, по сути дела, ее следствием, состоит в соблюдении единообразного написания морфем, а точнее — морфов. В связи с этим доминирующий принцип русской орфографии часто называют морфологическим. Так определяют его представители концепции ЛФШ (Л. В. Щерба, Л. Р. Зиндер, В. Ф. Иванова и другие), и это естественно: если фонемный состав слов *плод*, *плода* интерпретировать как <плот>, <пладб>, то написание их не может быть понято иначе, как морфологическое.

Морфологическим называли принцип русской орфографии и представители «дофонологической» науки, которые видели в нем и другие важные достоинства. Так, С. П. Обнорский писал: «Морфологическая основа нашего правописания есть безусловный плюс нашей орфографической системы, она имеет громадное воспитательное значение в обучении письму и языку, облегчая сознательное усвоение того и другого;

морфологическая система нашего правописания связывает нашу современную систему письма со старой русской системой письма, роднящейся в свою очередь с системой всей славянской письменности. Эта система и исторически, и в современном состоянии является цементом, связующим в культурном отношении все братские славянские народности».²⁶⁷

§ 245. Преимущество (и приоритет) фонематической интерпретации доминирующего принципа русской орфографии убедительно показано в работах М. В. Панова. Его аргументация состоит в том, что морфологический принцип (если под этим понимать единообразное написание морфемы, а не морфа) не может быть последовательно осуществлен в орфографии русского языка в связи с большим количеством нефонетических чередований в морфемах («многоморфности» морфем): исключениями из этого общего принципа должны были бы стать такие написания, как *пек-у* — *печ-ешь*, *нош-у* — *нос-ишь*, *любл-у* — *люб-ишь*, *рук-а* — *руч-ка*, *ног-а* — *нож-ка* и многое другое. С точки зрения фонемного принципа все эти случаи исключениями не являются; они полностью подчиняются правилу обозначения фонем по их сильным позициям. И очевидно, что предпочтительна всегда та интерпретация, которая требует меньше исключений; в данном случае — это интерпретация М. В. Панова, с которой согласился Р. И. Аванесов, который в ранних своих работах по традиции называл принцип русской орфографии морфологическим.

Итак, оценивая орфографию русского языка по тем двум критериям, которые были предложены в начале главы (близость к звучанию и единообразию представления морфемы), нельзя не прийти к выводу, что она заслуживает весьма высокой оценки.

Существует мнение, что она была бы идеальной, если бы не было гиперфонем, нарушающих действующее фонологическое правило проверки написания «сомнительных случаев» (т. е. фонем в слабых позициях) путем приведения их к звучанию в сильной позиции в том же морфе. Однако помимо трудностей, связанных с выбором буквы для обозначения гиперфонемы, русскую орфографию осложняют еще и традиционные, в том числе, дифференцирующие написания, а также правила фонетического характера.

Итак, признав неоспоримым господство фонематического принципа русской орфографии, рассмотрим имеющиеся отклонения от него.

Правила орфографии, нарушающие фонемный принцип, всегда были предметом дискуссии между теми, кто готов был изменить их во имя последовательности осуществления основного принципа, и теми, кто превыше всего ценил стабильность и непрерывность орфографической традиции.

²⁶⁷ *Обнорский С. П.* Основные принципы орфографической нормализации // Русский язык в школе. 1939. № 5–6. С. 5–13.

Обсуждение как самих правил, так и проектов их изменения, содержится в книге «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии» (М., 1965).

НЕФОНЕМАТИЧЕСКИЕ НАПИСАНИЯ

§ 246. Написания, основанные на фонетическом принципе:

В приставках *без-*, *воз-*, *вз-*, *из-*, *низ-*, *раз-*, *роз-*, *чрез-* (*через-*) перед глухими *к*, *п*, *с*, *т*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ* пишется *с* вместо *з*, например: *бесплезный*, *рассада*.

Не под ударением всегда пишется приставка *раз-* (*рас-*), под ударением — *роз-* (*рос-*), например: *раздбть* (при *руздал*), *распъска* (при *руспись*).

О традиционных написаниях, нарушающих правила графики, говорилось ранее, в разделе «Графика». Но есть целый ряд традиционных написаний, не нарушающих правила графики, но и не мотивированных фонемным принципом орфографии, а иногда и вступающих в противоречие с ним — это написания корневых морфем «с чередованием гласных» (имеются в виду буквы): *гар-* / *гор-*, *зар-* / *зор-*, *клан-* / *клон-*, *кас-* / *кос-*, *лаг-* / *лог-*, *плав-* / *плов-*, *раст-* / *рост-*. В ряде случаев идентификация морфем настолько затруднена, что не может служить основой для определения их фонемного состава — обычно это бывает связано с «затемненными» словообразовательными связями, т. е. имеет понятные исторические причины; однако в результате возникают ситуации, противоречащие фонематическому принципу орфографии: так, например, для корневой морфемы глагола *гореть* возможно соотнесение только с такими словоформами, где ударным гласным будет [а]: *загар*, *гарь*; для глагола *расти* — с существительным *рост*; для существительного *заря* — с формой *зори* (хотя возможно и более далекое *зарев*), и т. д.

Если оценка целесообразности фонетического и фонематического принципов орфографии целиком зависит от системы конкретного языка, то традиционные написания не могут оцениваться положительно ни в каком случае, и минимизация их всегда признается желательной.

Из истории русской орфографии

§ 247. Реформы Петра I в области письменности затронули только графику; но уже его современники и идейные сподвижники, такие, как В. Е. Адодуров, В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов, осуществили серьезные попытки осмыслить устройство русской орфографии и высказали соображения относительно путей ее совершенствования. Взгляды их в значительной степени не только не совпадали, но во многом были прямо противоположны, и при этом каждый из них пытался реализовать свои идеи в практике собственных сочинений, поскольку никакого общепринятого и обязательного орфографического кода в то время еще не существовало.

В. К. Третьяковский считал правильным и целесообразным писать в соответствии с фонетическими особенностями московской разговорной речи: «Та орфография совершенно правильная, которая одни только соблюдает звонны». Идею единообразного написания морфем он отвергал, считая, что это может быть важно только для ученых: «Что мне нужды, что произведения корень виден не будет? Стараются ли о корнях все общество пишущих, которым невозможно писать без правил орфографических; а основательнейшие и легчайшие орфографические правила на одном токмо звоне утверждаются. Вся польза происходит от корней ученым людям, которые оными иногда доказывают прямое знаменование слова, во время случающихся споров».²⁶⁸ Однако передачи на письме акающего произношения он не требует, а предлагаемые им написания не отличаются последовательностью; например: *шчасливый, свецкій, вобиче, блиско, бумашка, такова, нарошно, стиснение, слабинькій, клену*.

М. В. Ломоносов сформулировал свои орфографические идеи следующим образом: «В правописании наблюдать надлежит: 1) чтобы оно служило к удобному чтению каждому знающему Российской граммате, 2) Чтобы не отходило далече от главных Российских диалектов, которые суть три: Московской, Украинской, Северной, 3) Чтобы не удалялось много от чистого выговору, 4) Чтобы не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений».²⁶⁹

Для дальнейшей кодификации русской орфографии особенно важным оказался четвертый пункт из указаний М. В. Ломоносова, который впоследствии был переосмыслен как морфологический, а затем фонематический принцип орфографии.

Однако ни идеи В. К. Третьяковского, ни идеи М. В. Ломоносова не были реализованы в качестве норм правописания, поскольку в России того времени просто не существовало такого государственного органа, который мог бы санкционировать обязательность единообразного написания слов и морфем, и практическое письмо оставалось крайне неупорядоченным.

Важный шаг на пути к нормализации орфографии был сделан в самом конце XVIII века, когда вышел в свет «Словарь Академии Российской» (1789–1794 гг.) и «Российская грамматика» (1802 г.), окончательно утвердившая «словопроизводный принцип написания».

Первым реальным опытом кодификации письма был труд академика Я. К. Грота, созданный им по поручению Академии наук, «Русское правописание» (1885 г.). Однако Я. К. Грот не ставил своей целью реформирование орфографии; его задачей была только регламентация уже существующего на практике, его упорядочение и установление единообразия.

²⁶⁸ Третьяковский В. К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и всем что принадлежит к сей материи. 1747. С. 188–191.

²⁶⁹ Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755. С. 12.

Правописание «по Гроту» было рекомендовано для школ Министерством народного просвещения.

Но представители интеллигенции, заинтересованной в широком просвещении народных масс, и в первую очередь, учителя-словесники, активно выступили за реформирование письма. Неизменным было требование упрощения графики (отмены «лишних» букв и ь на конце слова); в центре внимания оказались также проблемы правописания гласных после шипящих согласных, ь на конце слова после шипящих, з или с в конце некоторых приставок, окончания прилагательных и местоимений.

В 1904 г. Академия наук образовала Орфографическую комиссию, которой поручено было заняться вопросом об упрощении правописания. Председателем комиссии стал академик Ф. Ф. Фортунатов, членами — А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, Ф. Е. Корш, И. А. Бодуэн де Куртене, П. Н. Сакулин, Р. Ф. Брандт.

Проект реформы, подготовленный этой комиссией, был опубликован только в 1912 году. В нем предлагалось:

1. Изъять из алфавита буквы ъ, і, ѣ; ь сохранить только в роли разделительного знака в конце приставок;
2. Признать излишним написание буквы ь в конце слов после *ж, ш, ч, щ* в им. и вин. падежах женского рода (писать *рож, плеш, ноч, вец*), во 2-м лице ед. числа настоящего и будущего времени глагола (писать *ходиш, даш*), в окончании наречий и союзов (*лиш, сплеш, настеш*), в определенной форме глагола (*толоч, толочя*);
3. Передавать звук [о] после шипящих и *ц* под ударением через *о*, без ударения писать *е* (*жолтый, желтеть, пчолы, пчела*),
4. В окончании род. падежа ед. числа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода писать *-ого, -его* (вместо практиковавшегося в то время *-ого* под ударением и *-аго* без ударения);
5. Установить одно написание *-ые (-ие)* для им. и вин. падежей всех родов (вместо существовавшего написания *-ые, -ие* для мужского и среднего и *-ья, -ия* для женского рода);
6. Ввести единые для всех трех родов написания *они, одни, одних, одними* вместо написаний *с и* для мужского и среднего рода и *ѣ* — для женского;
7. Исключить из употребления правило, требующее писать *ея* в род. падеже местоимения женского рода.

Предложения Орфографической комиссии были частично реализованы декретом Совета Народных Комиссаров от 10 октября 1918 года, который запретил «лишние» буквы и употребление ь на конце слов (пункт 1); были приняты также новые правила, касающиеся правописания прилагательных и местоимений (пункты 4–7) и не приняты пункты 2 и 3. Но осталось еще множество спорных вопросов, обсуждение которых продолжается и в настоящее время.

В 1956 году появился первый полный свод «Правила русской орфографии и пунктуации», подтвердивший уже установленные правила и уточнивший некоторые непринципиальные частности.

В 1964 году был опубликован весьма радикальный (хотя и не затрагивающий принципиально важных фонематических основ письма) проект реформы орфографии, вызвавший активную дискуссию на страницах печати, но оставшийся неосуществленным.

§ 248. В 1965 году коллектив высококвалифицированных специалистов в области орфографии под руководством М. В. Панова создал труд, в котором были подробно прокомментированы с разных точек зрения (последовательности соблюдения фонематического принципа, единства написания морфем, простоты применения правила) не только сами правила русской орфографии, но и предложения по их усовершенствованию, которые высказывались на страницах печати на протяжении XVIII–XX веков.

Рассмотрим один из фрагментов этой книги — сложную и многократно обсуждавшуюся (и обсуждаемую) проблему написания *о* или *е* после шипящих согласных.

Действующие правила таковы:

- В корневых морфемах следует писать *о* в тех случаях, когда данная морфема не имеет безударного положения в других однокоренных словоформах (типа *крыжовник*, *чопорный*, *трещотка*), и *е* в тех корневых морфемах, которые могут иметь безударное положение (типа *шелк*, *дешевый*, *желтый*, *шепот* и т. п.). Тем самым, вопреки фонемному принципу, «определяющей» оказывается безударная позиция.
- Аффиксальные морфемы (суффиксы и флексии) распределяются на глагольные и «все остальные»:
 - а) в глагольных окончаниях и отглагольных суффиксах рекомендуется писать *е* (*печешь*, *печет*, *выкорчевывать*, *размежевка*, *дирижер*);
 - б) в окончаниях и суффиксах имен существительных и прилагательных не отглагольного образования, а также в суффиксе наречия под ударением пишется *о*, без ударения — *е*: *плечо* — *вече*, *ножом* — *сторожем*, *душой* — *ношей*, *чужого* — *рыжего*, *рожок* — *горошек*, *ручонка* — *башенка*, *ежовый* — *плюшевый*, *смешон* — *нежен*, *свежо* — *похоже* и т. п.²⁷⁰ Автор комментария считает, и с ним нельзя не согласиться, что существующие правила не соответствуют ни фонематическому принципу орфографии (потому что пишется *шелк*, но *шок*), ни принципу единообразного написания морфем (потому что пишется *горош-ек*, но *петуш-ок*, *дач-ей*, но *свеч-ой* и т. д.).

Рассматриваются следующие возможности изменения этих правил:

1. После шипящих для обозначения <о> писать всегда *е*(*ё*).

Это позволило бы унифицировать написания, заменив несколько правил одним. Такие написания отвечали бы принципу единообразного написания морфем. Но автор комментария возражает против такого варианта правила, указывая на его «нефонематичность»: фонема <о> последовательно обозначалась бы буквой *е*. Однако обозначение <о> буквой *е* в русском языке настолько регулярно (ср. *нес*, *осел*, *овес*, *веселый*, *легкий* и т. п.), что есть все основания представить его как графический прием, тем более, что оно связано с определенной графической позицией: следованием за буквой мягкого согласного и непоследовательно — за буквой шипящего. Последовательность написания *е* после шипящих перевела бы

²⁷⁰ Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. М., 1965.

это правило из разряда орфографических (нарушающих правила графики) в разряд графических, которое формулировалось бы как двойственное обозначение фонемы <о> в зависимости от графической позиции (о после парных твердых согласных, е — после мягких и шипящих). Тем самым отпало бы возражение относительно «нефонематичности», а изменение значительного количества написаний компенсировалось бы простотой самого правила.

2. После шипящих согласных для обозначения <о> всегда (и под ударением, и без ударения) писать *о*.

Это также дало бы унификацию всех написаний. Правило последовательно фонематично. Все написания отвечали бы принципу единообразного написания морфем. Отрицательным последствием введения такого правила была бы серьезная ломка сложившегося письма ввиду необходимости изменить большое количество привычных написаний широко употребительных слов.

3. После шипящих согласных для обозначения <о> всегда писать под ударением *о*, без ударения — *е*.

Такое правило дало бы полную унификацию написаний. Но при этом нарушается принцип единообразного написания морфем. Положительной стороной введения этого правила была бы относительно небольшая ломка орфографических привычек — изменения коснулись бы 10–15 корневых морфем и нескольких (правда, часто употребительных) аффиксальных глагольных.

Приведенный анализ правил правописания *о* или *е* после шипящих и проектов их изменения показывает, насколько разносторонни эти правила и сколько разных обстоятельств должны учитывать те, кто стремится их изменить.

§ 249. В настоящее время при Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН продолжает работать Орфографическая комиссия, в которой принимают участие как ученые-лингвисты, так и учителя-практики, и обсуждаются возможности дальнейшего совершенствования русской орфографии.

Обязательность выполнения орфографических правил, распространяющаяся на всех пишущихся членов общества, накладывает чрезвычайно большую ответственность на лингвистов, определяющих эти правила: неоправданно большие усилия, которые должны затратить целые поколения людей на овладение неудачно сформулированными правилами, наносит огромный социальный (а также и экономический, и психологический) ущерб обществу. Но даже и «правильная», целесообразная по своему содержанию реформа орфографии чрезвычайно болезненна для общества и требует больших материальных затрат. Поэтому лингвист всегда вынужден «выбирать из двух зол»: заботясь о будущих поколениях, он неминуемо навлекает на себя гнев современников, вдруг оказавшихся неграмотными «по вине» реформы орфографии; заботясь о комфортном существовании своих современников, уже овладевших орфографией и забывших о трудностях ее усвоения, он не выполняет свой долг по отношению к будущим поколениям людей, которым еще предстоит страдать от сложности и непоследовательности орфографических правил.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Заметки по теории русской орфографии // Восточно-славянское и общее языкознание. М., 1978.

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Реформа орфографии в связи с реформой письменного языка // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Зализняк А. А. О понятии графемы // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 1965.

Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Л., 1987.

Панов М. В. И все-таки она хорошая! М., 1964.

Щерба Л. В. Теория русского письма. М., 1983.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ²⁵⁷

- аккомодация 31
 акустические ключи 73
 в русском языке 76
 акцент фразовый 114
 акцентный блок 114
 акцентная кривая 110
 акцентная парадигма 110
 акцентология 104
 алгоритм слогоделения в русском языке 99
 аллограф 231
 амплитуда 52
 антирезонанс 58
 антиформанта 58
 аппарат
 речевой 12
 слуховой 69
 артикуляционная база русского языка 123
 артикуляционный жест 9
 артикуляция 16
 дополнительная 21
 место 17
 основная 21
 способ 18
 тип по положению кончика языка 19
 целевая 9
 архифонема 137
 ассимиляция 31
 дистантная 31
 контактная 31
 неполная 31
 полная 31
 прогрессивная (персервативная) 31
 регрессивная (антиципирующая) 31
 база артикуляционная 123
 базилярная мембрана 71
 блок акцентный 114
 вариант фонемы 140
 вариация фонемы 141
 варьирование свободное 136
 веляризация 21
 волны звуковые 50
 восприятие 69
 этапы 69
 высота звука 52
 гармоника 55
 генеративная (порождающая) фонология 186
 гиперфонема 143
 гласный 13, 28
 глоттализированный 21
 закрытый 28
 лабиализованный 28
 назализованный 21
 напряженный 28
 ненапряженный 28
 открытый 28
 редуцированный 28
 фарингализованный 21
 глоттализация 21, 87
 глоттис 23
 голос 25
 напряженный (жесткий) 25
 нейтральный 25
 придыхательный 25
 расслабленный (мягкий) 25
 скрипучий 25
 гоморганные согласные 17
 гортанная смычка 25
 грамматика 3
 графема 231
 вспомогательная 231
 основная 231
 графемный комплекс 231
 графика 231
 графический принцип 233
 слоговой 233
 громкость 52
 деклинация 114
 диакритика 38, 231
 диалект 5
 социальный 5
 территориальный 5
 диапазон тонального изменения 113
 диграф 231
 диссимилиация 31
 дистрибуция дополнительная 136
 дифтонг 28
 дифтонгоид 28
 дизрема 122
 длина волны 53

²⁵⁷ Термины в предметном указателе содержат ссылки на те параграфы книги, в которых они вводятся впервые или обсуждаются наиболее подробно.

- дополнительная дистрибуция 136
 единицы фонетические 8
 сегментные 8
 суперсегментные (просодические) 83
 жаргон 5
 жест артикуляционный 9
 звук (речи) 9, 13, 50, 124
 звуковые волны 50
 звукотип 10, 124
 звучность (сонорность) 88
 знак 3

 идиолект 148
 ИК см. интонационная конструкция
 иканье 171, 204
 инициация 15
 интенсивность 52
 интервал тонального движения 113
 интонация 112
 интонационная конструкция (ИК)
 115, 116
 модальные реализации 118
 нейтральные реализации 118
 интонема 115
 источник колебаний 50, 57
 голосовой 57
 шумовой 57
 импульсный 57
 турбулентный 57
 категориальность восприятия 79
 классификация артикуляционная 26
 гласных русского языка 29
 согласных русского языка 27
 клитика 103
 ключи акустические 73
 в русском языке 76
 коартикуляция 9, 31
 кодификация 5
 колебание 51
 вынужденное 56
 гармоническое 54
 квазипериодическое 51
 непериодическое 51
 периодическое 51
 простое 54
 свободное 56
 сложное 54
 коммуникация 1
 компетенция языковая 4
 комплекс графемный 231
 компоненты речепроизводства 14
 конструкция интонационная 115, 116
 контраст фонологический 136

 контур мелодический 113
 корреляты ударения фонетические 106
 кривая акцентная 110
 лабиализация 21
 лексикон 3
 лингвистика 6
 литературный язык 5
 локус 63

 мелодика 113
 мембрана базилярная 71
 методы изучения
 акустического сигнала 59
 артикуляции 30
 восприятия 82
 младограмматизм 133
 модальные реализации ик 118
 модель
 в языкознании 4
 динамическая в фонологии 185
 интегральная звукового поведения 187
 интонации комбинаторная 119
 смысл → звучание 6
 монограф 231
 монофонг 28
 морфонема 144
 моторная программа 9

 назализация 21
 нейтральные реализации ИК 118
 нелинейность восприятия 78
 норма произносительная 36, 204
 младшая 36, 221
 старшая 36, 221
 территориальные разновидности 227

 обертон 55
 образ слуховой 9
 огибающая спектральная 55
 означаемое 3
 означающее 3
 описания фонетические 7
 оппозиция фонологическая 135
 градуальная 137
 нейтрализуемая 137
 постоянная 137
 привативная 137
 эквиполентная 137
 органы артикуляции 12
 активные 17
 неподвижные 12
 пассивные 17
 подвижные 12
 орфография 203, 239
 орфофония 227

Указатель терминов

- орфоэпия 203
основной вид фонемы 140
осциллограмма 59
отношения
 дополнительной дистрибуции 136
 свободного варьирования 136
 фонологического контраста 136
оцифровка 67
палатализация 21
парадигма акцентная 110
параметр
 суперсегментный (просодический) 83, 113
пауза 113, 193
переходный участок звука 64
период 52
порождающая (генеративная) фонология 186
профиль артикуляционный 9
подъем (гласного) 28
позиция
 абсолютно сильная 140
 сигнификативная 141
 сильная 140
 слабая 140
 перцептивная 141
 фразовая 120
полиграф 231
полифтонг 28
правила выделения фонем 136
признак 8
 дифференциальный 134
 интегральный 135
 сегментный 8
 слога 87
 суперсегментный 83
 фонетический 8, 135
 фонологический 135
принципы
 графики 233
 орфографии 239
 дифференцирующий 242
 традиционный 242
 транскрипционный 243
 транслитерационный 243
 фонемный 241
 фонетический 240
 организации слога универсальные 90
программа произнесения моторная 9
проклитика 103
просодика 83
просодия 83
просторечие 5
психологическое направление в лингвистике 133
разговорный язык (разговорная речь) 5
реализация просодических средств 114
 акцентная 114
 интегральная 114
редукция артикуляционная 32
резонанс 56
резонатор 56
 акустический 56
 механический 56
 речевого тракта 56
ресиллабификация 101
речевая деятельность 4
речевой акт 4
речевой сигнал 50
речь 4
 как процесс фильтрации 57
 разговорная 189
ряд (гласного) 28
сандхи 122
свободное варьирование 136
свойства звуков физические 52
сегментация перцептивная 74
сигнал речевой 50
синтагма 111
система 3
 графическая 232
 орфографическая 244
слово фонетическое 102
слог 84
 вершина 85
 закрытый 85
 инициаль 85
 легкий 87
 неприкрытый 85
 открытый 85
 прикрытый 85
 рифма 85
 тяжелый 87
 финаль 85
 ядро 85
слогоделения теории в русском языке 91
 мышечного напряжения 94
 оптимальности 100
 открытого слога 95
 сонорности 92
 эксплозии / имплозии 93
согласный 13
 альвеолярный 17

- амбисиллабический 87
 апикальный 18
 аппроксимант 19
 аффриката 19
 билабиальный 17
 боковой 19
 веляризованный 21
 велярный 17
 взрывной 19
 вибрант 19
 глоттализированный 87
 глухой 25
 гоморганный 17
 гортанный 25
 губно-губной 17
 губно-зубной 17
 дентальный 17
 дорсальный 18
 дрожащий 19
 задненебный 17
 заднеязычный 17
 звонкий 25
 зубной 17
 имплозивный 19
 какуминальный 18
 корональный 18
 лабио-дентальный 17
 ламинальный 18
 ларингальный 27
 латеральный 19
 мягкий 21
 носовой 19
 палатализированный 21
 палатальный 17
 переднеязычный 17
 передненебный 17
 плавный 20
 полувзвонкий 25
 полумягкий 21
 придыхательный 25
 ретрофлексный 18
 сибилант 66
 слоговой 48
 смычный 19
 сонорный 20
 среднеязычный 17
 среднеязычный 17
 твердый 21
 флэп 19
 фрикативный 19
 шумный 20
 щелевой 19
 сонорность (звучность) 88
 состав фонем русского языка 146
 спектр 52
 амплитудно-частотный 55
 слуховой 72
 спектрограмма 59
 динамическая 59
 мгновенная (спектральный срез) 59
 слуховая 69
 узкополосная 59
 широкополосная 59
 средства
 звуковые 8
 интонационные (просодические) 113
 артикуляционные 113
 количественно-динамические 113
 тональные 113
 фонационные 113
 стационарный участок звука 64
 структурализм 133
 сфера действия фразового акцента 114
 тайминг (timing) 113
 такт речевой 102, 192
 текст 6
 темп речевой 113
 тембр 52
 теорема Фурье 55
 теория речеобразования акустическая 57
 теория речевосприятия
 звукового эталона 80
 моторная 81
 признаковая 80
 теории фонологические
 Аванесова Р. И. 179
 Бодуэна де Куртене И. А. 129
 динамические 185
 ленинградская 130
 московская 138
 порождающая 186
 пражская 134
 тип говорения 188
 аллегривный 188
 кодифицированный 188
 полный 188
 разговорный 188
 тракт речевой 12
 транскрипция 33
 интонационная (просодическая) 116
 морфофонематическая 175
 словофонематическая 182
 фонемная 174
 фонетическая 34
 знаки 38

Указатель терминов

- ударение 104
динамическое 106
качественное 108
количественное 106
колонное 110
логическое 104, 114
музыкальное 106
неподвижное 110
ограниченное 110
побочное 109
подвижное 110
свободное 110
синтагматическое 114
связанное 110
словесное 104
схема 223
фиксированное 110
фразовое 104, 114
уровень тона 113
- фазы речи
акустическая 11, 49
аэродинамическая 11, 49
моторного программирования 11
нейромышечная 11
органическая 11
- фарингализация 21
- фонация 22
- фонема 9, 125–126
в работах И. А. Бодуэна де Куртене 129
ЛФШ 130
МФШ 140
ПЛК 135
сильная 173
слабая 173
- фонемный ряд 173
- фонетика 7
акустическая 49
артикуляционная 11
задачи 7
перцептивная 69
разделы 7
функции 7
- фонетические описания 7
- фонетическое слово 102
- фонологический контраст 136
- фонология 7, 126
- форманта 58
локус 63
переходной участок 64
стационарный участок 64
- формантная картина (F-картина) 58
- формула Потебни 107
- функции
интонации 112
слога 86
ударения 105
фонемы 125
языка 2
- целевая артикуляция 9
- частота 52
основного тона 55
- чередование 139
грамматическое 139
параллельное 141
перекрещивающееся 141
позиционное 139
фонетическое (автоматическое) 139
- члены фонологической оппозиции
маркированные 137
немаркированные 137
- шепот 25
- шкала сонорности 88
- щель голосовая 23
- эканье 171, 204
- эллипсис 32, 195
- энклиномен 103
- энклитика 103
- ядро просодическое 107
- язык 1–4
волновой 87
квантовый 87
кодифицированный 5
консонантного типа 123
литературный 5
разговорный 5, 189
художественной литературы 5

